

Один в поле воин

80 лет Александру Солженицыну

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Мы умеем восторгаться взлелеб — и самозабвенно улюлюкать. День благодарения не наш праздник; его трезвая радость мало кому доступна. Нетрудно догадаться, как будет встречен 80-летний юбилей самого известного русского писателя второй половины XX века: слезы восхищения перемешаются с трамвайным хамством. Что ж, к чрезмерному жару и нестерпимому холоду Солженицыну не привыкать. И трепетных слов о пророческом даре, и вздорных обвинений он наслушался предостаточно. И в советские времена, и совсем недавно.

Не спешил возвращаться в перестроечный СССР, посмеивался над Горбачевым — пеняли за равнодушие к общему делу. Объявил о скором приезде — уверяли, что рвется к власти. По возвращении затворился в Троице-Лыкове — возмутились: как же так, он обязан вмешаться в ход событий. Встретился с Ельциным осенью 1994-го — ворчали: пошел в услужение режиму. Фактически объявил бойкот Борису Николаевичу (который как-никак Солженицына подставлял, назначив встречу накануне чеченской кампании и словно освятив заведомо неудачный «блицкриг» солженицынским авторитетом) — вновь недоумевали. В нем видели то спасителя Отечества, который вернет говорушкинскую «Россию, которую мы потеряли», то врага народа, предавшего монархические идеалы; то агента мирового сионизма, то заядлого антисемита; то губителя Империи, то носителя имперского сознания; то консерватора омертвевших литературных традиций, то разрушителя основ художественности; то сокрушителя коммунизма, то несправедливого тоталитария; то учителя жизни, то равнодушного эгоиста.

Между тем достаточно прочтешь написанное Солженицыным в последние годы, чтобы убедиться: ни одна из этих «ролей» ему не подходит. Он любит Россию «петербургского периода», настаивает на возможности восстановления некоторых жизнеспособных форм самоорганизации народной жизни (прежде всего земства), однако трезво понимает (и много раз говорил об этом), какие неизлечимые «болезни роста» сопровождали Империю даже в периоды ее наивысшего расцвета. Тем более опасны мечты о ее возрождении теперь, когда Россия этнически обескровлена, обесцелена. Он твердо обещал вернуться — и столь же твердо предупреждал, что будет заниматься прежде всего литературой, а уж потом — политикой. Вслух размышлял о еврейских корнях Богрова, убийцы Столыпина, — и писал сочувственную статью об Израиле. Считал монархию вполне приемлемой (хотя и отжившей) формой правления, но вряд ли кто отзывался жестче о Николае II, который *трижды пропал Россию*. Кажется, мы и впрямь стали страной писателей, страной ученых, никак не страной читателей. В этом Солженицын совершенно неоправдан.

Услышанный Солженицын
Слава Богу, так было далеко не всегда. Бессмысленно пересказывать сейчас солженицынскую биографию; все, что считал нужным, он поведал в двух автобиографических книгах — «Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни» и «Угостило зёрнышко промех двух жерновов: Очерки изгнания» (последняя только что вышла полностью по-

французски; по-русски печатается с продолжением в журнале «Новый мир»). Но по крайней мере о двух сочинениях, двух публикациях сказать необходимо. Это повесть «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ».

Именно ноябрь 1962-го, когда подпискам поступил тираж «Нового мира» с «Одним днем...», стал поворотным пунктом новейшей российской истории. Хотя традиционно называют принципиально иную дату — 1956 год, XX съезд. Но хрущевский доклад, при всей его эпохальной важности, полностью встраивался в коммунистическую систему, подчинялся ее неотъемлемым правилам; *десталинизация* не предполагала *де-советизации*, скорее, наоборот: призывана была «развить и углубить» мертвенные принципы социализма, придать апокалипсическому зверю человекообразные черты. А тут система взрывалась изнутри. Неприятельная повесть об одном счастливом дне заика Ивана Денисовича строилась по законам, несовместимым с принципами революционного гуманизма, ставила частного человека если не в центр мироздания (религиозные мотивы в повести тоже звучат, хотя и глухо), то во всяком случае выше Государства. Она была пронизана, пропитана чувством внутренней свободы, на которую тщетно покушается власть и которую не в силах одолеть лагерное жизнеустойство. Сейчас это уже нелегко ощутить, но даже в самой демонстративной традиционности «Одного дня...» звучал авангардный вызов. Через голову соцреализма Солженицын обращался к стилизму линиям классической русской словесности, к «Станционному смотрителю», «Старосветским помещикам», «Бедным людям». И это был поистине дерзкий художественный жест, смысл которого далеко выходил за рамки «чистой эстетики», как далеко за рамки «чистой эстетики» выходил сталинский эксперимент по созданию единственно правильного литературного метода.

А 1974-й, когда появились первые переводы «Архипелага...», стал поворотным пунктом общевропейской истории. Потому что интеллектуальная Европа конца 60-х — начала 70-х была не просто левой — она была *крайне* левой. Миф об изначально светлой революции, преданной Сталиным, воодушевлял слишком многих; влияние интеллигентов на политику было сильным, как никогда; призрак коммунизма и впрямь бродил по европейским городам. И вот появляется книга, чуждая абстрактным доказательствам, рациональным построениям, но перенасыщенная зримыми образами страдания, какие принесла России революция. Книга, преисполненная страсти и окрашенная неповторимым солженицынским юмором; при этом — математически выверенная, построенная как неопровержимое художественное свидетельство на страшном суде истории. Вывратиться за пределы поля ее тяготения невозможно: приходится подчиниться неумолимой литературной логике или вовсе отказаться от чтения. Тогдашние европейские левые не отказались. Первый их реакцией были гнев и ярость; во французской печати повторялась даже формула, предложенная «Литературной газетой»: Солженицын — литературный властелин. Но месяц от месяца, день от дня ситуация менялась: «новые левые» начинали вслушиваться в обаятельный голос русского писателя, хитрого эзика; вслушавшись — стали задумываться; задумавшись — многие, хотя и не все, ужаснулись.

Разумеется, Солженицын не сумел исцелить европейских интеллектуалов 70-х годов от неоправимой исторической наивности. Известен его спор с Генрихом Бёллем о тактике Германии в случае внезапной агрессии СССР. Немецкий гуманист считал, что Западу нужно будет немедленно капитулировать: иначе русские танки, пройдя по узким улочкам европейских городов, разрушат исторический облик Европы. Солженицын ехидно спросил: а что вы будете делать при советской оккупации? «Как что? Пить пиво и обсуждать философские проблемы», — отшутился Бёлль. «Первое, что вы увидите наутро после прихода советской власти, — съезил русский собеседник, — это табличка на дверях кафе: «Пива нет».

Но Бог с ней, с наивностью. Главное в ином: западному обществу вовремя было предложено противостоять: интеллектуальная экспансия коммунизма была остановлена. И установлена не политиком, не религи-

де, особенно в эмигрантской среде. Была и прямая клевета (как в нашумевшей книге Ольги Карлайл, о которой Солженицын слишком детально пишет в публикуемых «Новым миром» воспоминаниях). Но чаще встречалось язвительное равнодушие. Солженицын произносил гарвардскую речь, предупреждая западные демократии о следствиях мягкой тактики «умиротворения агрессора», обличая моральный упадок — предпочитали пропустить мимо ушей основную мысль и сосредоточивались на второстепенном, на незначении, непонимании им американской жизни. Он угадывал демократический вектор развития Испании времен позднего Франко, утверждал, что если есть свобода слова, о диктатуре говорить не приходится — его обвиняли в тайном сговоре с престарелым тираном. Напоминал о религиозных основаниях европейской цивилизации, окончательная утрата которых, подмена «бытовым гуманизмом» всеобщей сытости чревата моральной

С подлинным верно — свидетельствует КГБ

Предлагаемый вниманию читателей «Известий» документ из архива ЦХСД предоставлен его сотрудником А. Новиковым. ЦХСД — это преобразованный архив ЦК КПСС. Виза одного из руководителей КГБ на перлюстрированном письме — лишь свидетельство о «чистых руках» наших чекистов. Письмо Александра Солженицына печатается с согласия автора.

Дорогой Александр Трифонович!
Очень рад был Вашей отзывной телеграмме (только сейчас мне ее переслали), тем более что юбилейный распорядок не оставляет времени отвечать каждому. Не огорчение, что многие взгляды расходятся, в этом и развитие. Да ведь самая простая задача — что совершится завтра? — недоступна никакому мудрецу, сильнеешие умы иногда и на неделю вперед не видели — как же людям не спорить и не разногласить?
Что в телеграмму как-то не помещалось, а сейчас хочется сказать: рану, которую так несправедливо нанесли Вам разрушением «Н. Мира» и еще подправили содержанием юбилейных статей — рану эту пустите зажить скорей! Прошлое все равно никто не вычеркнет, а от боли ее — Вам только боль. Все еще обновится, возродится, вынырнет.
Я кончил 1-ю редакцию «Августа четырнадцатого», теперь уже начал 2-ю. Очень велика получилась вещь — больше «Ракового корпуса», — и это меня смущает. Таких только военных глав, как Вы читали 12, получилось 46, да еще «мирных» 18. Боюсь, что от военных глав читатель будет обалдевать, скучать. И как будто нигде не размазывал, все плотно писал. Может быть, есть какая-то ошибка во всей методике, в первоначальном замысле. Если будем живы и одолеем 2-ю редакцию — где-нибудь в октябре попрошу Вас почитать, ладно?
Обнимаю и целую Вас!

Ваш А. СОЛЖЕНИЦЫН
Верно: НАЧАЛЬНИК 5 УПРАВЛЕНИЯ КГБ при СМ СССР (БОБКОВ)
(ЦХСД, Ф. 5, оп. 62, д. 83, л. 302)

озым проповедником, не философам, а писателям. Остановлена не с помощью военной силы, не посредством закулисных переговоров, не энергией умственных построений, но силой литературного слова, как в 1962-м силой литературного слова было надломлено железобетонное основание советского государства. Собственно, если бы Солженицын *ничего* больше на протяжении своей 80-летней жизни не сделал, не написал публицистические статьи, названия которых вошли в пословицу («Жить не по лжи», «Образованщина», «Как нам обустроить Россию»), не выстроил грандиозный свод эпопеи «Красное колесо», не опубликовал потрясающие «двухчастные» рассказы 90-х — все равно: «Один день...» и «Архипелаг...» обеспечили бы ему вечную благодарность потомков. И даровали пожизненное право говорить с современниками с «позиции силы», как говорит лишь власть имеющий. Это не значит, что современники обязаны принимать на веру любые солженицынские суждения, что он не может ошибаться, порой катастрофически; это значит лишь, что всякий раз мы должны молчаливо вслушиваться его до конца — и только после этого вставлять свое слово. Сколь угодно критическое.

Но все происходит иначе.

Солженицын
неуслышанный
То, с чем мы сталкиваемся сейчас, давным-давно опробовано на Запа-

дней западной культуры, — называли фундаментализмом. А главное, оправдывая собственную читательскую лень, ссылались на неудобочитаемость «Красного колеса». И — действовали по давно известному принципу: «не читал, но скажу».

Не знаю, как переломить тенденцию, преодолеть устоявшееся предубеждение, чем «заманить» читате-

А.СОЛЖЕНИЦЫН БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ

Солженицын Александр Исаевич (Исаакьевич)

1918, 11 декабря: родился в Кисловодске. 1924: с матерью переезжает в Ростов-на-Дону. 1936: поступает на физмат Ростовского университета. 1939: параллельно становится заочником московского ИФЛИ. 1941: мобилизация. 1942—1945: фронт, путь от Орла до Восточной Пруссии. 1945: «антисоветская» переписка капитана Солженицына перехвачена военной контрразведкой. Приговор по статье 58 УК, пункты 10 и 11: 8 лет лагерей. 1947: переведен в Марфинскую «шарашку» — спецтюрьму, где работает в закрытой акустической лаборатории. 1950: этапирован в Экибастузский лагерь; литейщик, каменщик. 1952: участвует в знаменитом Экибастузском бунте заключенных; лагерьный врач диагностирует у Солженицына рак. 1953: перевод на вечное ссыльное поселение в аул Кок-Терек Джамбульской области Казахстана. 1955: разрешен переезд в Ташкент на лечение; обнаружена новая раковая опухоль — в желудке; внезапно смертельная болезнь сама собою отступает. 1956: реабилитация, работа учителем в поселке Торфопроduct. 1959: написана повесть о зеке Иване Денисовиче, которую Л.З. Копелев отнесет в редакцию журнала «Новый мир» А.Т. Твардовскому. 1962, ноябрь: «Один день Ивана Денисовича» печатается по личному разрешению Хрущева; начало всемирной славы Солженицына. 1963: в «Новом мире» появляются рассказы «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка»; автора «Одного дня...» тщетно выдвигают на Ленинскую премию, пытаются ввести в «придворно-партийный круг». Одновременно начата подпольная работа над документально-художественным исследованием «Архипелаг ГУЛАГ», создается цензурный вариант романа «В круге первом» (написан еще в 1957—1959). 1967: начат — задуманный еще в отрочестве — исторический роман о русской революции «Р-17». 1969: исключение из Союза писателей. Второй женой Солженицына становится Наталья Дмитриевна Светлова — математик, диссидент. 1970: Солженицыну присуждена Нобелевская премия по литературе. От поездки в Стокгольм он отказывается: могут не пустить обратно. 1971: в Париже издан первый «узел» эпопеи, которая получит название «Красное колесо», — «Август Четырнадцатого». 1973: после обыска, проведенного КГБ, повесилась машинистка Солженицына Елизавета Воронянская. В Париже выходит первый том «Архипелага»; все средства от переизданий этой книги будут поступать в солженицынский фонд помощи заключенным и их семьям. 1974: в самиздат передана статья «Жить не по лжи». 13 февраля: арест, лишение советского гражданства, высылка в ФРГ; вскоре Солженицын поселяется в Швейцарии. 1976: переезд в США (город Кавендиш в штате Вермонт). 1983: получает Темплтоновскую премию «За вклад в развитие религиозного сознания». 1989: после долгой цензурной отсрочки в летних номерах «Нового мира» печатаются главы «Архипелага» и Нобелевская речь Солженицына, что ознаменовало окончательную отмену цензуры. 1990: отказ от Государственной премии РСФСР за «Архипелаг» («...не могу собирать на ней почет»). 1991: опубликован трактат «Как нам обустроить Россию», начинающийся словами: «Часы коммунизма свое отбили». 1994: возвращение в Россию. Выступление в Государственной думе. 1996—1997: публикация свеженаписанных рассказов в «Новом мире». 1998: цикл статей о писателях XX века (Юрии Тынянове, Василии Гроссмане и др.). Учреждение собственной литературной премии (\$ 25 000), первым лауреатом которой становится филолог В.Н. Топоров.